

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ САЕНКО — RAFAŁ SZEPYŃSKI

ПРАСЛАВЯНСКОЕ **žeratykь*: СЛОВО-АЙСБЕРГ

COBISS: 1.01

Praslovansko **žeratykь*: beseda kot vrh ledene gore

Članek je posvečen zgodovini in etimologiji praslovanske besede **žeratykь* 'žareče oglje'. Podrobno se razbira zakonitost glosiranja kontinuantov dane besede kot 'pepel' tako na podlagi pisnih spomenikov kakor tudi narečnega gradiva. Analizira se semantika kontinuantov **žeratykь* v stari češčini in tudi vrsta leksikografskih fantomov.

Ključne besede: etimologija, praslovanščina, cerkvena slovanščina, stara češčina, leksikografski fantomi

Proto-Slavic **žeratykь*: an iceberg word

This article looks at the history and etymology of the Proto-Slavic word **žeratykь* 'live coal'. A detailed study, based on literary monuments and dialect material, is provided on whether **žeratykь*'s descendants can be glossed as 'ash'. The semantics of the derivatives of **žeratykь* in Old Czech and a number of ghost words are analyzed.

Keywords: etymology, Proto-Slavic, Church Slavonic, Old Czech, ghost words

0 Для праславянского языка сравнительно надёжно реконструируется слово **žeratykь* «горячие угли», которое на первый взгляд является совершенно заурядным, что выразилось в достаточно слабом интересе историков языка и этимологов к данной лексеме. Однако при более тщательном изучении материала оказывается, что за этим невзрачным дериватом таится целый клубок сложных этимологических, словообразовательных, лингвогеографических и даже лексикографических проблем. В данной статье мы постараемся хотя бы часть из них решить.

Первоначально мы пытались проанализировать данный вопрос в ключе традиций ЭССЯ и SP, при этом, отдавая себе отчёт в существовании ряда проблем, требующих пространных комментариев, как в описании самого материала, так и в части интерпретации, мы рассчитывали получить словарную статью большого размера. Однако трудности с решением некоторых ключевых вопросов, заставили нас отступить от первоначального плана. В связи с этим мы решили сосредоточиться в первую очередь на тех аспектах, которые, с одной стороны, оказались наиболее трудными, а с другой, позволили привнести

Авторы выражают искреннюю благодарность В. С. Ефимовой, В. Желязковой, И. И. Маеевой, З. Бабику и М. Хохолу за помощь в работе над статьёй.

новые интерпретации, которые, как мы надеемся, будут достойны через несколько десятков лет упоминания на страницах названных словарей.¹

1 РЕКОНСТРУКЦИЯ

1.1 Реконструкция значения

В праславянском характере значения «горячие угли (зачастую с горячим пеплом)» нас убеждает его наличие в большей части славянского мира. Перечислим самые важные случаи:

- церковнославянские памятники (ГСБМ 9: 267; СРЯ XI–XVII 5: 75; Тимченко 1: 918). Показательный пример мы находим в древнейших списках (XII–XIII вв.) Пролога краткой редакции: “дѣждь идаше съхощацкк же вѣ попель горашцъ акы жератъкъ” (= ἀνθρακία «горячие уголья») (СРПДС 2010: 308–311),
- другие исторические памятники, в частности:
 - древнечешские: “budeli zeratek geho popelem przikrit doroka ohnyw oftane” (1. пол. XV в.; см. пункт 3),²
 - среднепольский: “Íáko wágl w rzeżatku á drwá ná ogniu/ thák człowiek fwarliwy łatwie roznieći zwádeń” (1563 г., SP XVI 36: 329),
 - нижнелужицкие: *schoratk* (1650 г.), *žorarki* (1761 г.) (Schuster-Šewc: 1806). Данные восточнославянских памятников мы опускаем, поскольку для них зачастую трудно провести чёткую границу влияния церковной литературы.
- диалектные данные:
 - белорусские: *жаратак* (ЛАБНГ 4: 48; СПЗБ 2: 141; МСММГ 1974: 58; Сцяшковіч 1983: 139),
 - украинские: *жерáтокъ* (Budziak 2014: 191), *жура́ток* (Верхратський 1894: 194),
 - русские: *жарáто́к/жерáто́к* (АОС 13: 212), *жаро́то́к* (НОС 2010: 250), *жарáтки* (СРГК 2: 35),
 - польские: *żarutki* (Lubicz 1892: 272), по материалам картотеки Словаря польских говоров ПАН: *rzerzotek* (sic!) (Забратувка, Жешувский повят), *żeżotek* (Близне, Бжозувский повят),
 - словацкие: *žerátok* (см. пункт 4.1, сноска 31),
 - сербские: *жерáтак* (Ивић 1957; см. пункт 2.3).³

1 В данной статье мы не обсуждаем все потенциальные реликты этого слова. В частности, мы опускаем формы с вторичными звонкими согласными *d: болг. *жерад(а)*, *жарада* (с XVII в.; РКБ XVII: 268–269; БЕР 1: 524; Неделчев 1994: 158), каш. *řeřezě* (SEK 4: 229), рус. *жарáдок* (СРГК 2: 35).

2 Цитируется по картотеке Гебауэра (<http://vokabular.ujc.cas.cz>). Далее мы приводим старочешские контексты по статье Черной (Černá 2003), в современной орфографии.

3 Это слово известно из словаря и корреспонденции Вука (письмо С. Милутиновича Сарайлии, ВП 1: 20), а также из перевода «Тараса Бульбы», выполненного Н. Беговичем (в журнале *Neven. Zabavni i poučni list*. 1855, с. 820). По материалам books.google.com только

Вдобавок можно упомянуть бачванское *жерта́ток* (Руски Крстур, Сербия) (Гнатюк 1908: 43, 79). Следует обратить внимание на то, что это не обычный диалектный апеллатив (*жирійáчка*, Гнатюк 1908: 79), а видоизменённая цитата из Книги Товита в церковном переводе (Тов. 6,17; см. пункт 2.1.2), вошедшая в свадебный обряд: «Возложіші на фтімію жертáток [...]». ⁴

В большинстве случаев континуанты данного слова употребляются в единственном числе, обозначая при этом некоторую массу угольков, обычно, по-видимому, смешанных с горячим пеплом, на основании чего мы делаем вывод, что первоначально слово **žeratykь*, вероятно, имело собирательный характер, хотя в некоторых ареалах видна тенденция к переходу в сингулятивы, иногда в *plurale tantum* (наиболее отчётливо в древнечешском). Значению «пепел», зачастую лишь мнимому (несмотря на многочисленные свидетельства) посвящён пункт 2. Локальным семантическим сдвигом является появление значения «углубление в передней части русской печи, куда сгребают угли и золу» в поздних севернорусских памятниках и современных русских говорах (СРЯ XI–XVII 5: 75; Дерягин 1968: 175). ⁵

1.2 Реконструкция формы

Реконструкция структуры праславянского слова может вызывать сложность в двух аспектах: мягкость согласного *r*, а также акцентуация. Что касается вокализма корня, в свете древнейших засвидетельствованных форм (Срезневский 1: 861; СДЯ XI–XIV 3: 250, СРЯ XI–XVII 5: 75) и части диалектных данных первичность *e* не вызывает сомнения. Тенденция к появлению в корне рефлексов **a*, обнаруживаемая в древнерусском уже с XIV в. (ОСР II 2: 204) и хорошо известная по современным белорусским и русским говорам, где-то является результатом регулярного фонетического изменения, а где-то – влиянием континуантов алломорфа *žar-*, например, **žariti* (*se*), **žarь* (ср. многочисленные примеры из окружающих говоров); исключительно второй фактор имел место в случае единичных древнечешских (1× <a>, наряду с амбивалентным <ie>, см. Šimek 1911: 145), польских и словацких примеров (см. выше).

► в 1860-х годах частотность данного слова несколько увеличивается; в то же время, это единственный случай, когда континуант **žeratykь* вошёл в современный литературный славянский язык.

4 По всей вероятности, на форму повлияло слово *жертва*. Вместе с тем возникают сомнения в том, что в это слово вообще вкладывалось значение «розжарений вуглик» (как это описывает Гнатюк).

5 Сомнителен изолированный украинский пример: «Встаю въ но́чі, ма́цаю диті́ну, а ї́й голова́ якъ жéретокъ горя́ча» (Золочевский округ, современная Львовская область; Дзедзелівський – Ганудель – Головацький 1982: 542). Если значение («место в печи, где огонь разводят») описано Головацким верно, мы имеем дело с независимым сдвигом значения в русских и украинских говорах; однако вполне вероятно, что когда Головацкий давал словарное определение неизвестной ему лексемы, он опирался в первую очередь на значение русского диалектного слова.

Церковнославянские формы, а также бóльшая часть русского диалектного материала, говорят в пользу твёрдого *r (только sporadически в русских говорах встречается [rʲ], ср. АОС 13: 232, СРГК 2: 35). На эту же реконструкцию указывает также нижнелужицкий материал (см. выше). Белорусские и сербохорватские примеры амбивалентны из-за совпадения континуантов *r и *rʲ. Что касается украинского материала, часть его также неоднозначна. На *r указывают формы, отмечаемые в XVII/XVIII в. в Закарпатье (Петров 1932: 161), а также диалектная запись с территории Польши (Верхратский 1894: 194). В случае записи *жерáтокъ* Вагилевича (Budziak 2014: 191), слишком общая локализация «lwow[skie]» делает невозможной идентификацию говора как сохранившего или утратившего различие континуантов *r и *rʲ; в качестве аргумента нельзя рассматривать отсутствие перегласовки в первом слоге, поскольку в украинских диалектах это изменение протекало непоследовательно (известны достаточно старые исконные формы без перегласовки, о чём свидетельствуют записи XVII века с буквой <и>, см. СУМ XVI–XVII 9: 165; ИСУЯ 1: 931). Золочевская форма *жéретокъ* (см. выше), с перегласовкой *a > e* во втором слоге, указывает на *rʲ. В пользу *rʲ могут говорить древнечешские,⁶ словацкие и польские записи. В итоге мы склонны признать первичность твёрдого варианта. Чешские, словацкие и польские формы можно объяснить взаимным влиянием согласных корневой морфемы (ассимиляции, поздние метатезы); украинский пример происходит из области, в которой пересекаются изоглоссы диспалатализации rʲ и перехода C'a > C'e, следовательно гласный e мог возникнуть в связи с гиперкоррекцией в ситуации контакта говоров. Возможно, наличие мягкого [rʲ], по крайней мере, в некоторых случаях может быть объяснено влиянием варианта прилагательного *žer(ʲ)awь (если, конечно, его вариативность не имеет идентичных причин).

Что касается акцентуации данного слова, следует выбрать из двух возможностей: *žerátъkь (gen.sg. *žerátъka) либо *žeratykь (gen.sg. *žeratyká). В пользу первой из них говорят самые старые известные нам акцентуированные формы афонского перевода Лествицы (1387 г. – МДА 152, л. 69б; см. 2.1.1), примеры из болгарского Пролога XV в. (Яцимирский 1909: 123)⁷ и Великих Миней-Четий (ВМЧ [15 XII]), а также диалектный белорусский материал, значительная часть русского диалектного материала и одиночный украинский пример (Budziak 2014: 191).⁸ Вторая возможность опирает-

6 Наряду с древнейшими, иногда амбивалентными записями с <r>, для обоих значений, установленных в пункте 4, известны записи с <rz> или <ř> (ср. Flajšhans 1928: 426; Šimek 1911: 145).

7 Начальное ударение *жéратакъ* в сербском списке XVI в., изданном Радченко (ср. Яцимирский 1909: 119), может отражать новоштокавскую оттяжку ударения (т.е. *žerátъkь); также мы опускаем изолированную украинскую форму *жéретокъ* (Дзедзелівський – Ганудель – Головацький 1982: 542).

8 Мы не включаем сюда древнечешский материал, поскольку оригинальные записи не отражают долготы. Единственный потенциально релевантный пример говорит о крат-

ся на словацкий материал из Гемера (вопреки записи Орловского, см. 4.1), печатную версию афонского перевода Лествицы 1647 г. (**жаратѣкъ**), запись **жератчѣный** в «Лексиконе словено-латинском» середины XVII в.,⁹ скудный польский материал XVI в. (см. выше loc.sg. *rzeżatku*, где <a> обозначает «сужение» (*rochylene*), отражаемое как *o* в цитируемых выше диалектных формах, записанных на периферии сохранения разных рефлексов *a* «чистого» и «суженного»), современный сербский материал (в котором, естественно, наблюдается новоштокавская оттяжка ударения; ср. также записи говора галлиполийских сербов, Ивић 1957: 27, 31, 46), а также довольно многочисленные русские диалектные формы (АОС 13: 212; НОС: 250; СРГС 3: 339, 344; ЯОС 4: 40, 44; Мызников 2010: 99). Принимая во внимание эти факты (вместе с данными, упомянутыми в сносках), мы считаем более обоснованной реконструкцию **žerátъkъ*, которая позволяет при этимологическом анализе ориентироваться на конкретные суффиксы с данной просодической характеристикой. Примеры, указывающие на второй вариант, скорее всего, отражают более поздние тенденции к распространению рефлексов окситонезы как признака слов на **-ѣkъ* по умолчанию.

1.3 Арал

Примечание 1: за пределами ареала «часть печи» (в том числе между двумя русскими ареалами) имеются также дериваты с таким значением, например, *жаратник* (НОС: 249).

Примечание 2: Пункты с переселенческими говорами обозначены стрелочками (Руски Крстур, Сербия: бачванцы; Пехчево, Македония: галлиполийские сербы); в пункте, находящемся южнее всего на территории Польши (Бонарувка), был записан материал украинского говора замешанцев.

Примечание 3: Интересующее нас слово было также заимствовано в венгерский (с 1577 г., EWU: 1673; см. диалектный материал в MNA II: 233. *térkép*; ÚMT 5: 215) и румынский (с 1683 г., Tiktin 2: 541; см. диалектный материал на картах с ответами на вопрос 734 JAR «braise» в атласах в серии *Atlasul lingvistic român pe regiuni*).

► кости, т. е. **žerátъkъ*: “zeratkowe učené lidi a múdré znamenají” (Snář 238; по картотеке Гебауэра). Переход этого слова в тип на *-átko* (см. 3.1) не является достаточным аргументом в пользу долготы, что в связи с отсутствием места мы не будем здесь подробно анализировать.

9 У Беринды (1627) полностью отсутствует диакритика над словом **жера**^тчено, хотя нормой является наличие ударения; возможно, пропуск связан с тем, что над <a> было уже вписано <т>, следовательно запись отражает **žerátъkъ*.

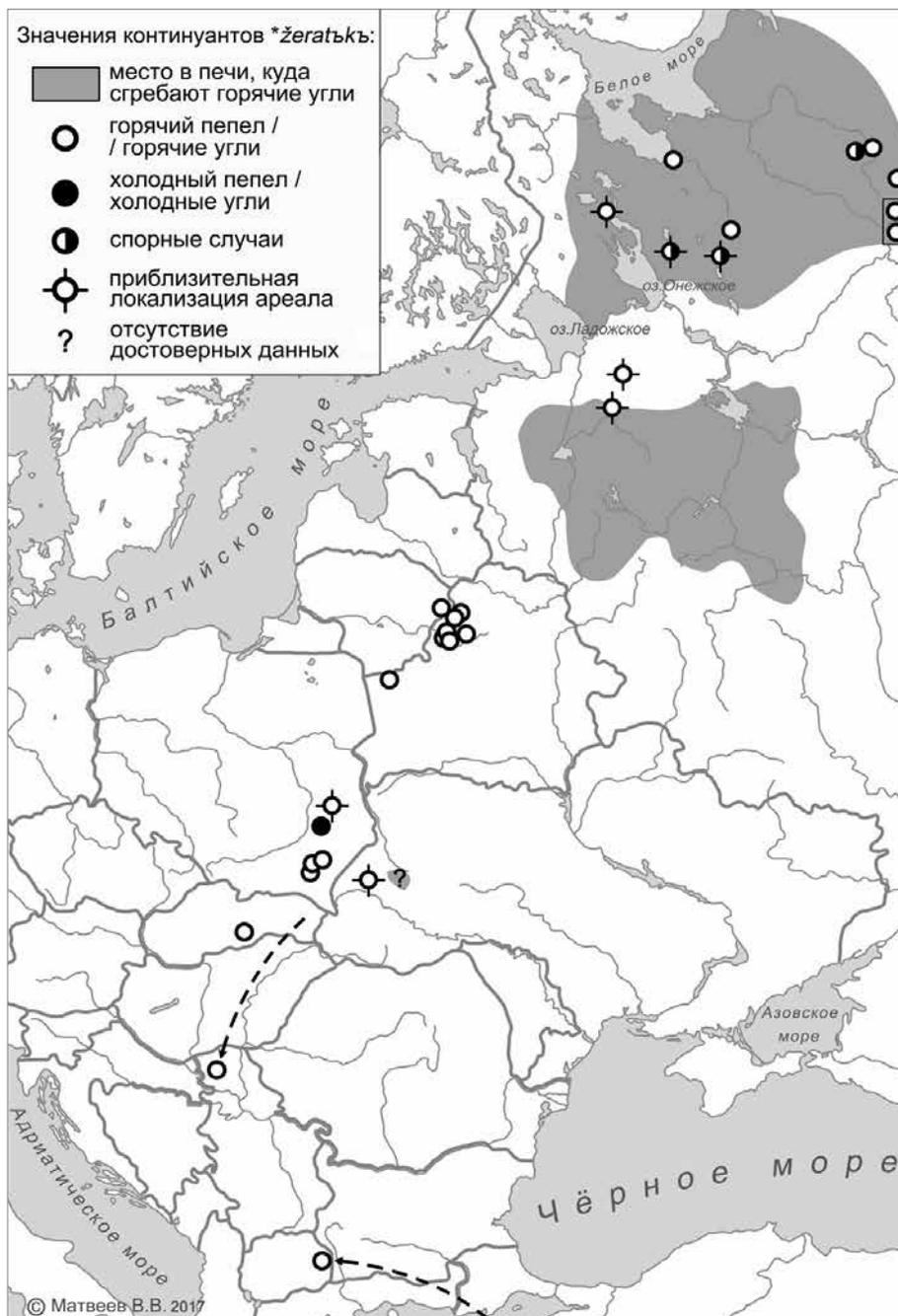

Рисунок 1: Значение континуантов *žeratyкъ

2 ЖЕРАТЪКЪ = «ПЕПЕЛ»?

С 1850-ых годов лексикографы глоссируют ц.-слав. **жератъкъ** как ‘тѣфра, cinis’ (Miklosich 1850), ‘зола’ (Востоков 1858), ‘Asche’ (Šumavský 1859), и т. д. (ранее также ‘la cendre’ – Reiff 1: 297). Эта традиция получила продолжения в словаре Срезневского (Срезневский 1: 861), а также в современном Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (СДЯ XI–XIV 3: 250). Не может не вызывать удивления тот факт, что ни в одном из этих источников не приводится значения «горячие угли, жар, горячий пепел», которое является первичным. Более того, в диалектных записях значение «пепел, потухшие угли» встречается крайне редко. Конечно, нельзя полностью исключать возможности существования в разных эпохах обоих значений, но, по мнению авторов, значительную часть интерпретаций континуантов **žeratъkъ* как названий холодного пепла следует подвергнуть сомнению.

2.1 жератъкъ ~ тѣфра?

В данном разделе мы рассмотрим все найденные нами случаи соответствия тѣфра ~ **жератъкъ** между греческими и церковнославянскими текстами, стараясь выяснить, вызваны ли они значением слова **жератъкъ** или какими-то другими факторами. Мы пропускаем указанные Миклошичем (1850: 43; 1862–1865: 195) примеры из сербских Прологов XIV и XVI вв. в связи с отсутствием цитат и доступа к рукописям. Однако вполне возможно, что они соответствуют анализируемым ниже пассажам.¹⁰

2.1.1 Лествица

Значение «зола» в словарной статье **жератъкъ** Востоков постулирует на основе фрагмента самого старого сохранившегося списка Лествицы (Рум. 198,¹¹ XII в.¹²) “пепель жератъкъ въ хлѣба мѣсто падоуциемъ”, который он снабдил соответствием из греческого оригинала σποδὸν καὶ τѣφραν. На первый взгляд, прямая корреляция **жератъкъ** ~ тѣфра «пепел» (Liddell – Scott 1996: 1784) не должна вызывать сомнений, однако тщательный анализ показывает, что реальная картина гораздо сложнее.

Сразу уточним один немаловажный момент. Лишённый контекста греческий фрагмент, процитированный Востоковым, будто бы перечисляет через союз «и» две разные субстанции. Однако в действительности речь идёт о парафразе отрывка из псалма (101, 8: ὄτι σποδὸν ὡσεὶ ἄρτων ἔφαγον), который характерным для Лествицы образом (Попова 2011: 57) в рито-

10 Остальной материал Миклошича связан с Лествицей. Это несомненно в случае разбираемой ниже цитаты из Востокова и крайне вероятно в случае болгарского Патерика XIV в. (пепель и жератъкъ, ср. 2.1.1).

11 В данном разделе мы опираемся на классификацию и датировку списков Лествицы Т. Поповой (2011), используя применяемые ей обозначения.

12 Это первая известная нам фиксация слова **жератъкъ**.

рических целях расширен синонимом: καὶ σποδὸν καὶ τέφραν ἀντὶ ἄρτου ἐσθίουσας.¹³

В славянском переводе на себя сразу обращает внимание асиндетон, который выделяется на фоне перевода других синонимических пар из данного списка Лествицы (цит. по Попова 2011: 57–58): “БЕЗ ВРЕМЕНЕ И БЕЗ ГОДА”, “**Ѡ гарости и гнѣва**”, “**на опечаливѣшаго гнѣвати сѧ и гарити**”, “**позоръ грозньи и страшньи**”, “**бѧ немлѣтва и немлѣсрда Творѣца**”. Материал доступных нам списков позволяет сделать предварительный вывод, что асиндетон характерен для самого старшего, «преславского» перевода (РО МГАМИД 452, л. 33; сюда же, конечно, относится и Рум. 198),¹⁴ в то время как в «сербском» (Волок. 463, л. 61б) и «афонском» (МДА 152, л. 69б) переводах в этой фразе мы находим союз *и*.¹⁵ Изменение в синтаксисе анализируемого фрагмента в самом старом переводе по сравнению с оригиналом, похоже, является результатом сложности перевода синонимической пары,¹⁶ что заставляет осторожно относиться к соответствию **жератъкъ** ~ τέφρα. Нам кажется весьма вероятным, что появление слова **жератъкъ** в данном случае было вызвано попытками переводчика найти синоним слову **пепель/попелъ** автономно на славянской почве, дабы сохранить риторический эффект. О самостоятельной работе переводчика над текстом, особенно в сфере передачи синонимов, убедительно свидетельствуют вводимые им «переводческие дублеты» (Попова 2011: 338–339).

Следует отметить, что хотя «сербский» и «афонский» переводы отличаются от «преславского» с точки зрения синтаксиса, они ничего не меняют в обсуждаемом фрагменте в плане лексики,¹⁷ несмотря на то, что в южнославянских языках слово **жератъкъ** постепенно исчезает под давлением синонимов. Мы склонны подозревать, что соответствие **жератъкъ** ~ τέφρα не вызывало нареканий переписчиков и авторов новых переводов, во-первых, в связи с редкостью греческого слова¹⁸ и отсутствием единообразия

13 Поскольку все доступные нам рукописи вводят фразу союзом *и* перед словом **пепель/попелъ**, есть основания полагать, что так было и в случае славянского протографа.

14 Ср. также ОСП II 2: 204; к сожалению, нам не удалось обнаружить эту рукопись в списке Поповой, поэтому не можем быть до конца уверены, что речь идёт о преславском переводе. В Трц. 10, л. 51 данная фраза полностью отсутствует.

15 К сожалению, мы не располагаем информацией о «тырновском» переводе. «Киевский» перевод (МДА доп. 6, л. 58б) в анализируемой фразе содержит только слово **пепель**, расширяя её оборотом “или **хлѣбъ посыпающе пепеломъ**”, не имеющим аналогии в других переводах.

16 Ср. комментарий: “There seems to be no difference in sense between σποδός and τέφρα [...]” (Liddell – Scott 1996 s.v. σποδός). Отметим, правда, что словарь не содержит материала интересующих нас памятников иудео-христианской культуры.

17 Те же выводы можно сделать о «тырновском» переводе на основании описания НБС 416 (ОФР: 261), где упоминается форма «**жератокъ**».

18 В Септуагинте оно встречается 3 раза; его нет в Lampe 1961.

в его переводе,¹⁹ а во-вторых, из-за ложного авторитета более старых списков болгарского происхождения.²⁰

2.1.2 Книга Товита

В «Материалах...» Срезневского сразу после проанализированной цитаты и отсылки к Лествице идёт сокращение *Тов. VI 6*, отсылающее к книге Товита. В то же время известно, что перевод Книги Товита с греческого не сохранился, а в *Геннадиевской Библии* (1499 г.) перевод сделан с Вульгаты (Алексеев 1999: 197). К сожалению, данный текст для нас недоступен. Из *Елизаветинской Библии* (1751 г.) известны фразы “вѣзмѣши жерáтокъ ѿмѣиáнный” (*Тов. 6,17*), “и взà жерáтокъ ѿмѣиáнный” (*Тов. 8,2*), которые соответствуют греческим λήψη τέφραν θυμιαμάτων, καὶ ἔλαβε τὴν τέφραν τῶν θυμιαμάτων; но славянское слово жерáтокъ было выбрано на основе какого-то другого языка, где оно скорее имело значение «горячая зола» (ср. Дроздов 1901: 55–57). Таким образом в данном случае соответствие с τέφρα возникло не в результате непосредственного перевода с греческого, а скорее отражает две независимые линии перевода.

2.1.3 Мученичество святой Фотины

С обсуждаемым соответствием мы сталкиваемся и в апокрифическом житии святой Фотины, известном по болгарской версии Пролога XV в.: “жерáтокъ съ лютымъ ѡцтом смѣсити повелѣ” (Яцимирский 1909: 123) ~ греч. τέφραν σὺν δριμυτάτῳ ὄξει ἐνωθήναι.

Однако, как показывают многочисленные примеры из Прологов, средством пыток в описаниях мученичества считались именно раскалённые угли, что могло повлиять на указанное изменение в переводе. Кроме случаев, где жератъкъ соответствует греческому сочетанию ἀνθρακες πυρός и подобным, известны также случаи проникновения этого слова в

19 В славянских памятниках можно обнаружить минимум три соответствия греч. τέφρα: 1. попель (Срезневский; СДЯ XI–XIV), 2. прахъ (Срезневский; СРЯ XI–XVII), 3. жератькъ.

20 Наконец следует упомянуть, что выражение, похожее на фразу из Лествицы, дважды встречается в одном отрывке в Великих Четьях-Минях, куда оно, возможно, попало именно под влиянием произведения Иоанна Лествичника. Речь идёт о фрагменте, описывающем мученичество Тараха: “главѣ его оброснѣше, попеломъ жератъкомъ посыплетѣ” ~ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ξυρήσαντες, ἀνθρακίαν ζέουσαν πυρώσατε αὐτήν; “бричемъ сдерѣте кожую главы его, и паки попеломъ жератъкомъ посыплетѣ” ~ τῷ ξυρῷ τὸ δέρμα περιέλετε τῆς μιαρᾶς κεφαλῆς αὐτοῦ, καὶ ζεούσης ἀνθρακίας πληρώσατε αὐτήν (ВМЧ [12 X]). Выражение попеломъ жератъкомъ, по всей видимости, следует интерпретировать как именную конструкцию, в которой жератъкъ играет роль определения существительного попель. Данное словосочетание, конечно, описывает горячие угли, а не пепел. Этот пример демонстрирует, что понятность формулировок в данном случае была второстепенна. Интересно, что обсуждавшийся фрагмент Лествицы также включён в текст Великих Миней, хотя и в версии без асиндетона (GK), в афонском переводе (ср. Попова 2011: 224).

тексты, греческие оригиналы которых вовсе не содержат слов со значением «уголь», «жар» или «пепел». Помимо анализируемого ниже жития Еликониды (см. 2.2), где в качестве перевода греч. πῦρ вместо ожидаемого **огнь** в части списков используется **жератокъ**, сюда также относится житие Агафоклии, в котором перевод был расширен фразой “сѣ **жераткомъ**”: “и **огнь сѣ жераткомъ на шію той посыпавши**” ~ πῦρ αὐτῆ κατὰ τοῦ τραχήλου ἐπένευκοῦσα (ВМЧ [17 IX]). Ещё один пример – это вторичное соответствие **жератъкъ** ~ σόρευμα «куча, груды» (Liddell – Scott), известное Миклошичу по сербской редакции Пролога XIV в. (1862–1865: 195); ср. примеры из ВМЧ:

- “и **жератокъ ѡгненный под нимъ посыпати**” (ВМЧ [15 XII]; СРЯ XI–XVII 5: 75 – «горячая зола») ~ καὶ σόρευμα πурὸς ὑποστροφῆναι κάτωθεν;
- “**посыпавше же раткомъ жгущимъ**” (ВМЧ [15 XI]) ~ καὶ σόρευμα πурὸς ἐπιτεθῆναι.²¹

В связи с этим мы полагаем, что единство содержания, композиции и стиля описаний мученичества влекло за собой и некоторую унификацию лексики, использование в схожих контекстах одних и тех же лексических средств, и именно так мы интерпретируем наличие слова **жератъкъ** в переводе жития св. Фотины.

2.1.4 Как показывает наш анализ, прямая конфронтация славянского текста с греческим оригиналом не всегда помогает адекватно описать значение славянского слова, поскольку при выборе того или иного слова переводчик мог руководствоваться большим количеством факторов, среди которых точное совпадение значения не всегда стояло на первом месте.^{22, 23}

21 Хотя текст ВМЧ демонстрирует определённые отклонения от оригинала, указанное соответствие не вызывает сомнений. Похожую ошибку в восприятии слова мы видим в ВМЧ [5 XI]: “пепель горящъ, яко жара токъ” ~ στακτῆ ζέουσα ὡς ἀνθρακία.

22 Слово жератъкъ дважды встречается также на месте греч. θεῖον, что побудило авторов словарей выделить значение «сера, смола» в соответствующих словарных статьях (уже Miklosich 1862–1865: 195):

- “да не огнемъ и жераткомъ погруженъ вѣдѣмъ” (= θεῖον; Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Иракийского, XIV век) (СДЯ XI–XIV 3: 250). Эта цитата приводится Срезневским под значением «пепель, зола, cinis», хотя он указывает непосредственный эквивалент θεῖον; тот же источник ещё раз упомянут под значением «сера», однако без цитаты;

- “Погрузи, аки въ мори, въ жератцѣ не токмо града два, но и ины грады” (Златая цепь, XIV век) (Срезневский 1: 861). Этот фрагмент требует дальнейших исследований. Септуагинта при описании уничтожения Содома и Гоморры содержит фразу θεῖον καὶ πῦρ (Быт. 19, 24).

23 В виде исключения фраза “Ѡ **пѣннаго жератка**” появляется в XVI в. в качестве перевода греч. ἄλλο κациνίαις αἰθάλης (ОСР II 2: 96), что, однако, не привело к выделению нового значения в словарях. Ср. «Материалы...» Срезневского s.v. *възгарати*; СРЯ XI–XVII s.v. *возгарати*.

2.2 Пытки пеплом?

В Словаре древнерусского языка XI–XIV веков, так же, как в «Материалах...» Срезневского, первым значением слова **жератъкъ** даётся «пепел». В обоих источниках в качестве подтверждения такой интерпретации приводятся фрагменты описания мученичества из Прологов. Но, если у Срезневского помимо цитат, касающихся мученичества Дулы и Еликонида, при значении «пепел» присутствует и другой материал, то СДЯ ссылается исключительно на фрагмент о Дуле.

Мы считаем, что эти описания нужно интерпретировать по отдельности:

- (мученичество Дулы): “и главѣ помазавше олъѣкмь и жораткомъ посыпаша” (СДЯ XI–XIV 3: 250)²⁴ ~ καὶ ἀνθρακας πυρὸς ἐπ’ αὐτὴν ἐπιχέεται;
- (мученичество Еликонида): “Жератокъ по всемоу тѣлоу посыпати” (Срезневский 1: 861) ~ καὶ πῦρ φέρει καθ’ ὅλου τοῦ σώματος.

Отсюда следует, что при работе над соответствующими словарными статьями в обоих словарях не было произведено сравнения с текстами оригиналов; ошибочно, совершенно нелогично, если помнить, что речь идёт об описании пыток,²⁵ слову **жератъкъ** приписано значение «пепел». Кажется, в СДЯ оно взято из «Материалов...» Срезневского (хотя цитата взята из другого списка Пролога). Возможно, – в случае Дулы – ошибка возникла из-за ассоциации с обрядами помазания елеем и посыпания головы пеплом. Однако, если в контексте описания мученичества такая связь и существует, то только в качестве издевательств над этими обрядами со стороны пытающих.²⁶

В обоих случаях, конечно, мы имеем дело с раскалёнными углями. Однако отметим, что приведённый фрагмент славянской версии жития Еликонида документирует проникновение интересующего нас слова в описания мученичеств, греческие оригиналы которых совершенно не предполагают такого перевода.²⁷

2.3 Диалектный материал

Единственный надёжный пример со значением близким к обсуждаемому в данном разделе известен из польских говоров: *zożotek* ‘nie żarzące się, nie

24 У Срезневского аналогичный фрагмент цитируется по «Прол. и. публ. б.», датируемому вслед за Лавровским не позже XIII в.; однако s.v.v. **олен** и **синапь** используется сокращение Жит. св. XIV в., при сохранении отсылки к Лавровскому s.v. **синапь**. В СРЯ цитата появляется s.v. **синапь** (24: 148).

25 Ср. однако фрагмент жития Фотины в пункте 2.1.3.

26 Ср. уже в Ветхом Завете: ἐὰν πεινᾷ ὁ ἐχθρός σου, τρέφε αὐτόν, ἐὰν διψᾷ, πότιζε αὐτόν· τοῦτο γὰρ ποιῶν ἀνθρακας πυρὸς σφραγεύσεις ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ (Притчи 25, 21–22), а также отсылку в Новом Завете: τοῦτο γὰρ ποιῶν, ἀνθρακας πυρὸς σφραγεύσεις ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ (Рим. 12: 20).

27 Ср. более точный перевод, содержащий слово **огнь** (πῦρ): “и главоу кѣ постригоша. и огнь приатъ по всем тѣлоу” (Пролог первой половины XIV в., л. 78в.). Текст предоставлен И. И. Макеевой.

dające już płomienia węgle' (Суллов, Красницкий повят – материал картотеки Словаря польских говоров ПАН).

Кроме того, нам встретились попытки классифицировать как «пепел» также русские диалектные континуанты *žeratykь. С одним случаем мы сталкиваемся в СРНГ, где значение «пепел» приписывается слову *жарáток* в северодвинских и прионежских говорах (СРНГ 9: 75).

Источником для северодвинских говоров в СРНГ являются материалы Ф. Е. Клещина, собранные в деревне Окуловка Выйско-Тоемского района (в настоящее время – Окуловская Верхнетоемского района Архангельской области). Отсутствие доступа к оригинальным материалам Клещина не позволяет нам верифицировать эти данные непосредственно, тем не менее, необходимо обратить внимание на пример из соседней деревни Усть-Выйская («Жарáток какой большóй зары́ла»), на основании которого авторы Архангельского областного словаря выделили значение «горячие уголья», подтверждённое большим количеством примеров из других населённых пунктов (АОС 13: 212).

Как источник для прионежских говоров указывается статья Н. С. Шайжина «Говоры Прионежья». Однако данная работа не является полноценным лексикографическим исследованием, в ней проводится лишь попытка сопоставить диалектную лексику с лексикой древнерусских памятников. В том числе в ней сравнивается диалектное *жарáток* с «Лестницей»; выбор памятника и его списка XIV в. (Срезневский 1: 845)²⁸ несомненно мотивирован совпадением анлаута (*жа-*). В силу особенностей представления материала не вполне ясно, определяет ли как «пепел» Шайжин только древнерусское слово или и диалектное тоже. Кроме того, лишь в одном из диалектных источников, использованных Шайжиным, присутствует слово *жарáток*, а его значение – «место на шестке, куда сгребают горячий уголь» (Куликовский 1898: 22).

Добавим, что в значении «зола» слова *жаратка* и *жараток* действительно фиксируются лишь в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», где материал происходит из двух из трёх говоров, учитываемых Шайжиным, т.е. пудожского («А жарáтка – это пепел») и каргопольского («Утром выгребаю жарáток из пецки и в ведре вынесу») говоров (СРГК 2: 35). Являются ли эти примеры вполне надёжными – вопрос открытый. С одной стороны, у нас нет достоверных данных, говорящих об обратном, а единственная интерпретация данного слова в СРГК как субстанции с высокой температурой – *жаратки* «головёшки» (Медвежьегорский район). С другой стороны, как уже было показано в данной статье, неправомерное неразличение значений «пепел» и «горячие угли» не является большой лексикографической

28 Среди источников древнерусского материала, использовавшихся Шайжиным, только «Материалы» Срезневского содержат интересующее нас слово.

редкостью. Не может также не настораживать изолированность этих двух примеров, плохо подтверждённых конкретным материалом. Кроме того, за фразой «А жаратка – это пепел» может стоять ситуация, когда носитель пояснил собирателю значение диалектного слова через его не вполне точный синоним. Второй пример достаточно амбивалентен, без более широкого контекста не представляется возможным понять, что именно подразумевается под жаратком в данном случае. Не отрицая саму возможность семантического перехода «горячие уголья» > «пепел», мы полагаем, что его наличие в карельских говорах требует дополнительных доказательств.

Список примеров закрывает неточное сообщение Филиповича (1946: 45) о говоре галлиполийских сербов, где, якобы, слово *жиратак* означало мелкую субстанцию (лит. серб. «прах»), оставшуюся после сжигания дерева. Однако совершенно иную семантику предполагает более поздняя запись, сделанная Ивичем: “Нёка, не наложа́ва о́гња, у пёһу йма жиратка, һе се изгрёйје” (1957: 380).

3 КАРБУНКУЛЫ И СРЕДСТВА ОТ ПОХОТИ

Семантика древнечешских континуантов **žeratykь* подробно разбирается в статье А. Черной (Černá 2003: 133–138). Она выделяет следующие четыре значения: (1) «раскалённые остатки топлива после сгорания (řeřavé zbytky hořiva)»; (2) «светлячок (světluška)»; (3) «некий вид драгоценного камня»; (4) «некая жидкость, средство от мужской похоти (?)». Предполагаемые инновационные значения (2–4) заслуживают подробного анализа, который мы постараемся дать ниже, причём значения «светлячок» и «некая жидкость, средство от мужской похоти» обсуждаются вместе.

- 3.1 Хотя континуанты псл. **žeratykь* отсутствуют в современном чешском, значение «светлячок», калька с нем. *Glühwürmchen*, является единственным в словарях XIX века (Добровский, Юнгман, Котт), везде в виде *řeřátko*. Это значение отмечается уже в глоссах к *Mater verborum* в виде *speratek* (к латинскому *cicendela*; у Черной ошибочно: *cicencela*)²⁹ и оно лучше всего задокументировано в древнечешских памятниках. Колебание между первичным мужским и вторичным средним родом засвидетельствовано уже в древнечешском. В связи с гипонимическим отношением значения «светлячок» к значению «маленькое/молодое существо», изменение формы анализируемого слова под влиянием форм на *-át-k-o* < **-et-ъk-o* (*kuřátko* «цыплёнок», *koťátko* «котёнок», *prasátko* «поросёнок») вполне естественно.

²⁹ Хотя многие глоссы к *Mater verborum* являются подделкой, произведённой В. Ганкой, данное слово – подлинное, что отмечали А. Патера и И. И. Срезневский (Патера – Срезневский 1878: 38–39, 98).

Вероятно, это же значение выступает в глоссе к лат. *noctiluca*, в контексте, где данное средство рекомендуется как противозачаточное: *si vis quod mulier non concipiat ... recipe noctilucas i. e. řeřátka* (рукопись М III, л. 125а, Пражский град). Этот отрывок перекликается со сведениями об abortивных свойствах светлячков в *Insectorum sive minimorum animalium theatrum* (Лондон, 1634): “Nam Cicindela fœmina intra mulæ [? – авторы статьи] matricem pořita, mulierem semper cum periculo prægnañtem sterilem reddit” (с. 115). Данный источник также позволяет верифицировать допущение Черной, относящееся к следующему примеру.

В переводе *De secretis mulierum* Псевдо-Альберта Великого *řeřátka* рекомендуется как средство от мужской похоти: *Také řeřátko, ktož je často pie, muže uplně uhasí* (LékŽen 27а). Черна, статья которой в значительной степени посвящена именно интерпретации данного отрывка, в итоге признаёт его неясным, хотя склоняется к тому, чтобы подозревать здесь значение «светлячок». Однако лишь следующая цитата убеждает нас в верности такой интерпретации: “Cicendelæ ex vino potæ, tædium vel fastidium potiùs veneris adferunt” (*Insectorum ...*, с. 115).³⁰

В свете данных Черной следует констатировать, что формы среднего рода употребляются только в значении «светлячок». Остаётся надеяться, что в будущем сделанные выше выводы удастся верифицировать при помощи материала источников, географически и хронологически близких средневековым чешским рукописям.

- 3.2 Значение «вид драгоценного камня» (ср. Šimek 1911: 343) постулируется на основании следующего контекста из чешского перевода книги Джона Мандевила: *A nad tiem domem stojíta dvě makovici, a to jsa karbunkuly nebo dva řeřátky, kterýžto tak veliký blesk vydávaji a také světlo, že téměř v noci veřken ten kraj osvěcuji* (CestMandA 215а). Заметим, что в немецком тексте в данном предложении не фигурируют никакие другие камни, кроме карбункулов. Этот факт позволяет сделать предположение, что *řeřátky* в данном случае не некий отличный от карбункулов вид драгоценного камня, а лишь

30 В этом месте автор ссылается в том числе на „Альберта”. Здесь следует привести фрагмент *Physica* Хильдегарды Бингенской, относящийся к латуку ядовитому (*Lactuca virosa* L.): “Sed etiam sive vir sive mulier qui in libidine incontineñs est, wilde latiche in sole exsiccet, et ita in manu sua in pulverem redigat, et pulverem istum in calido vino sepe bibat, et libidinem in eo extinguit absque lesione corporis sui” (Hildebrandt, Gloning 2010: 106). Поскольку в пуристических версиях *Physica* вместо *wilde latiche* обнаруживается *silvestris lactuca*, можно предположить, что в сокращённых версиях похожего фрагмента в некоторых средневековых компиляциях распространилось ошибочное чтение слова *lactuca* «салат» как *noctiluca* «светлячок». Впрочем, известны и другие деформации в упомянутом фрагменте (**lenticula?*, ср. Lemaу 1992: 77, 171). Отметим, что во фрагменте, приведённом Черной, *řeřátko* помещено среди материалов растительного происхождения, что вряд ли было сделано чешским переводчиком.

пояснение, данное переводчиком латинизму *karbunkuly* (лат. *carbunculus* является прозрачным дериватом от *carbo* «уголь»), и то лишь в некоторых списках (ср. Šimek 1911: 145). Таким образом, по нашему мнению, *to jsa karbunkuly nebo dva řeřátky* следует читать скорее как «это карбункулы, то есть два уголька». Выбор именно *řeřátky* вместо, например, *uhlíky*, обосновывается контекстом («blesk vydávají a [...] světlo»).

Нелишним будет также упомянуть, что *řeřátek* фигурирует рядом с названием драгоценного камня ещё в одном памятнике (Lapidarium, XIV век): “Crisopasus Kryzopasion jest světlý jako zlato, v noci sě svietí jako řeřátek, dobr jest k milosti” (Lapid 162r). Однако в данном случае *řeřátek* также обозначает не драгоценный камень, а выступает в значении «светлячок». На это указывает не только ярко-зелёный цвет хризопраза, но и уточнение, встречаемое в других списках: “Kryzopazon kámen jest světlý jako zlato, v noci sě svietí jako řeřátek črvek, dobr jest k milosti” (LékCzart 226; то же в LapidMuz 570). Здесь форма *řeřátek* поясняется при помощи слова *črvek*, вероятно, для того, чтобы читатель понял, что речь идёт о цвете не горячих углей, а насекомого, светлячка.

- 3.3 Таким образом древнечешские тексты дают основания уверенно говорить только о двух значениях континуантов **žeratyĥĥ* – исконном «горячие угли» (как показывает предыдущий анализ, засвидетельствованном также в переводе книги Джона Мандевиля) и, вероятнее всего, скалькированном «светлячок».

4 Слц. *žaratok* (ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОЛУФАНТОМ), *žerat'* (ФАНТОМ № 1)

- 4.1 В современном литературном словацком отмечается слово *žaratok*, -u ‘prúd’, с пометой «поэтическое» (SSJ 5: 787). Словарная статья SSJ содержит две цитаты из литературы: 1. “Už iba bystrín hučí žaratok” (М. Разус, *Bača Putera*; ср. также *Poézia, Súsedia*); 2. “A čiernou vlnou vteč v ten žaratok” (П. Орсаг-Гвездослав, *V jesennú polnoc*). Среди авторов, использовавших данное слово – также в первичном значении – можно назвать В. Роя (*Cez závoj, Kúzlo žeravej pahreby* – “Bolo v nej plno žaratoku zo suchého bukového dreva; tvoril kompaktnú pahrebu, ktorá žiarila nádherne”, *Náš Ikarus, Rosou a tónim*). Подробный анализ значения слова *žaratok* в этих текстах выходит за границы нашей работы (поэтому мы не приводим более широких контекстов), хотя, без сомнения, эта проблема нуждается в особом внимании лексикографов. Большее значение для нас имеет вопрос, каким образом это поэтическое слово связано с сл. **žeratyĥĥ*.

Раньше этих произведений, самые ранние из которых относятся к 1917 г. (*Súsedia* Разуса, *V jesennú polnoc* Гвездослава), было опубликовано стихотворение *K Váhu* И. Краско (1906), датированное 1899 г.: “Ó, premeň vodu v prúdy

lávy/ a znič ho, slobodu kto dlávi,/ nech zhynie v žaratoku vrení!”. Это самое старое известное нам употребление данного слова в поэзии. Оно характеризуется, во-первых, отсутствием чередования *o* : \emptyset (что мы находим и у остальных авторов), во-вторых – не вполне ясным значением. Можно предположить, что упомянутые поэты – в том числе уже немолодой Гвездослав – восприняли данное слово от Краско, не всегда понимая его изначальное значение (тут, возможно, сыграло роль кажущееся сходство второй части слова с дериватами от глагола *tiečť* «течь»). При этом следует обратить внимание на место рождения писателя: центральный Гемер (Луковиштя, район Римавска Собота).

В ходе поиска по диалектным словарям мы обнаружили только одну точно локализуемую запись – она относится именно к центральному Гемеру (Брусник, район Ревуца): *žerätok* ‘žeravé uhlie’ – “Nemisela som rano ohen roskladač, ešte od večera bú žerätok” (Orlovský 1982: 421).³¹ Убедительным аргументом в пользу наличия связи между приведёнными фактами является также следующая запись: *žeriatok* ‘řeřavé uhlí’(?) (Kálal 1923: 898);³² материал происходит из этнографической работы авторства П. Добшинского (Dobšinský 1880: 115): “Ked’ vrátil sa domov, sedelo jeho vlastnie diet’a na ohni-sku, krásne, červené ako žeriatok (žiaretok)”. Добшинский не уточнил, каков источник этого предложения, однако во введении к книге указал, что основной массив материала восходит к его родным краям, то есть к центральному Гемеру (Славошовце, район Рожнява).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в XIX и XX вв. в словацком интересующее нас слово в значении соответствующем у псл. *žeratykь сохранилось исключительно в центральном Гемере, а в литературный язык оно попало через произведение И. Краско.

- 4.2 Вторым интересующим нас словом является *žerat’*, *-te* (ж. р., устар.) ‘žeravé uhlie, pahreba’, якобы также из Добшинского (SSJ 5: 797). Однако в картотеке нет соответствующей карточки; её материал ограничивается цитатой из Ю. Мартинки: «... podloží sa v žeravnici donesená žerat’ ...» (*Predkovia*, 1941)³³ Это – по нашему мнению – искусственное образование (по сути гапакс) мы склонны объяснить следующей цепочкой событий: 1. лемматизация у Калала – как показывает поиск в Интернете (несколько записей) – причастия/прилагательного П. Добшинского *žeriaci* в виде инфинитива *žerat’* (Kálal 1923: 898; ошибка исправлена на с. 992 игнорированием фиктивной леммы); 2. ошибочная интерпретация формы *žerat’* в словаре Калала как существительного, сделанная Ю. Мартинкой при стилизации языка в истори-

31 Согласно информации, полученной от М. Хохолы, оригинальная запись в картотеке SSN выглядит следующим образом: *Nemisela som roskladadž ohen, ešte od večera bú žerätok*, с *-ä-*, а также определением значения ‘žeravá pahreba’.

32 Бачванский материал из записей В. М. Гнатюка мы здесь опускаем, см. пункт 1.1.

33 Информация сообщена М. Хохолом.

ческом произведении; 3. включение примера из Мартинки в картотеку SSJ; 4. ошибочная отсылка в SSJ к Добшинскому на основании глагольной леммы Калала с опорой на «фактический» материал из Мартинки (пропущенный в словаре).

Эту достаточно спекулятивную гипотезу, конечно, можно фальсифицировать, например, если бы удалось найти запись существительного в произведении, предшествующем публикации словаря Калала.

5 БЛР. *жаржаратак* (ФАНТОМ № 2)

В «Лексическом атласе белорусских народных говоров» упоминается будто бы редуцированная форма *жаржаратак* «дробны пасечаны жар» (ЛАБНГ 4: 48). Однако её реальность вызывает серьёзные сомнения. В этом случае ЛАБНГ, по всей видимости, использует те же данные, что и «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча»: записи, сделанные Е. М. Романович и А. И. Чабярук в деревне Жодишки Сморгонского района, поскольку толкование ЛАБНГ дословно совпадает с контекстом из СПЗБ: «Жаратак – дробны, пасечаны жар; у ямку зграбуюць жаратак» (СПЗБ 2: 141). В другом томе СПЗБ мы находим ещё один контекст, записанный в том же пункте, и в нём мы находим лишь *жаратак*: “Дзе прыпячак, там ямка, туды жаратак зграбуюць” (СПЗБ 4: 154). Наконец, *жаржаратак* является гапаксом, нигде за пределами ЛАБНГ не встречающимся.³⁴ Всё это заставляет видеть в форме *жаржаратак* лексикографический фантом, вызванный неверным пониманием рукописной записи вопроса собирателя («жар») и предполагаемого ответа информанта («жаратак») или двух ответов информанта («жар, жаратак»³⁵): мы предполагаем, что остался незамеченным пробел между записью слов «жар» и «жаратак». Несмотря на то, что Е. М. Романович и А. И. Чабярук являются соавторами ЛАБНГ, конкретно над картой №89 в данном томе они не работали, её составлял И. Я. Яшкин.

6 ПОЛ. *żarzątek* (ФАНТОМ № 3)

В среднепольской литературе интересующее нас слово встречается, насколько нам известно, лишь однажды, в Брестской Библии 1563 года: “Tako wagi w rzeżatku á drwá ná ogniu/ thák człowiek fwarliwy łatwie roznieci zwadę” (SP XVI 36: 329 в словарной статье *rozniecić*) (Притчи 26, 21: *Sicut carbones ad prunas, et ligna ad ignem, sic homo iracundus suscitatur rixas*). Впервые данная форма была

³⁴ Поскольку ту же форму мы находим в индексе, речь не идёт об ошибке при наборе (ЛАБНГ 4: 140).

³⁵ По данным ЛАБНГ, в Жодишках зафиксирована и форма «жар» (ЛАБНГ 4: 47).

выписана С. Линде (Linde¹ 3: 174), снабдившим эту лексему астериском.³⁶ Во втором издании словаря была введена конъектура *žerzatek* (s.v. *rzeżatek*) (Linde² 5: 197), которая затем была ошибочно оформлена в словарную статью *żarzątek* (Linde² 6: 883); ср. также *zarzątek* в отрывке *Domówienie* (Linde² 6, без пагинации): “Zwracaliśmy też sami baczość na usterki lub niedokładności autora, i to, co się nam w tej mierze stosownem wydawało dokładaliśmy w nawiasach. Tego rodzaju dodatki znajdują się w następujących słowach: [...] *zarzątek* [sic! – авторы статьи] [...]”). Оттуда эта форма попадает в так называемый «Варшавский словарь» (SJP 8: 695, словарная статья *żarzewie*) в виде *rzeżatek* («старопольское») и *žerzatek* («редко используемое»). Таким образом гапакс, отмеченный в Брестской Библии, лёг в основу фиктивной леммы, попавшей даже в работы по компаративистике (ср. Vaillant 4: 702).

7 УКР. *жерій* (ФАНТОМ № 3)

В этимологической литературе встречается укр. диал. слово *жерій* «синее полум’я» (ЕСУМ 2: 194; Черниш 2013: 135); материал ЕСУМ, цитируемый по словарю Яворницкого («синее пламя надъ горящими углями», Яворницкий 1: 222), был взят из «Медицинського словничка» П. Адаменко, изданного в 1917 году в Могилёве-Подольском. Однако первоначальным источником слова, кажется, является первое издание словаря Б. Гринченко: *жерій* «синее пламя надъ горящими угольями» (Гринченко 1: 520). Нельзя не отметить, что словарная статья находится между *жевжичок* и *жеврїти* и, скорее всего, его форма является результатом ошибки наборщика; в издании 1958 года данная форма исправлена на *жеврїй*. Добавим, что пока что слово *жеврїй* (*жерїй*) не находит каких-либо подтверждений в диалектном материале. Абстрагируясь от генезиса украинского корня *жевр-* и самого слова *жеврїй*, форму *жерїй* следует признать ещё одним лексикографическим фантомом.

8 ЭТИМОЛОГИЯ

Единственным надёжным моментом при этимологическом анализе слова *žeratykь является идентификация корня и аблаута его вокализма: без сомнения, мы имеем дело со ступенью *e* корня *g^{uh}er- «нагреваться» (LIV²: 219).³⁷ Следует обратить внимание на факт, что в истории славянского словообра-

36 “* jedna gwiazdeczka u góry piérwzşy lityry słowa, oznacza, że słowo to, lub wcale nie, lub przynaumniéy w przytoczonym kształcie albo znaczeniu, dziś nie iest używane” (Linde¹ 1, без пагинации, на странице, предшествующей основной части словаря).

37 Сразу следует отбросить возможность связи с морфемой *g^uerh₃- «поглощать»: псл. *žerti/žyrati (1 sg. žerq) «поглощать» (LIV²: 211) несмотря на существование спорадических случайных семантических сходств (польск. *żrący* «едкий, жгучий»).

зования ступень *e* не была функционально нагружена, т.е. не служила для отличия деривата от производящей основы; если эта ступень появляется в деривате, можно полагать, что она привнесена в него из мотивирующего слова. В связи с этим желательна произвести поиск слов, содержащих тот же алломорф, и отказаться от мысли о непосредственной словообразовательной связи со словами, содержащими другие засвидетельствованные алломорфы (**gr-*, **gьr-*, **gor-*, **gar-*, **žar-*).

Круг таких слов достаточно узок. Попытки реконструкции глагольной морфемы **žer-*, ожидаемой в индоевропейской перспективе (ср. LIV²: 220), к сожалению, неубедительны (ср. Варбот 2011: 297).^{38, 39} Соотнесённость фитонима **žer(')ucha* с каким-то конкретным корнем тоже находится под вопросом (ср. ЕСУМ 2: 195). Фактически, единственным надёжным примером является прилагательное **žer(')awь(jь)* и его дериваты (составляющие в разных концах славянского мира семантическую конкуренцию слову **žeratькъ*). Разумеется, это прилагательное не может считаться производящей основой для **žeratькъ*; однако оно может помочь в поиске словообразующей основы.

Параллельно с идентификацией основы следует решить проблему морфологического членения слова: **žerat-ьк-ъ* или **žera-тѣк-ъ*? Производное от прилагательного **žeratь(jь)* предполагал А. Вайан (Vaillant 4: 702), но он ошибочно выделил формант *-*тѣк* вместо *-*ьк* (ср. ЭСБМ 3: 212); к этой версии мы вернёмся ниже. С членением **žera-тѣк-ъ* соглашался Р. Эккерт. По его гипотезе, *-*тѣк*- является примером тематизации при помощи *-*k-* старого суффикса *-*tu-*,⁴⁰ при параллельной тематизации *-*nu-* в *-*нѣк*- (Эккерт

38 Рассматриваемый учёной древнерусский материал традиционно связывается с корнем **gʷerH-* «высказывать одобрение» (LIV²: 210), а первоначально засвидетельствованной ступенью аблаута всего славянского гнезда безусловно следует считать ступень редукции (ср. материал SJS 1: 615; там же отмечается ещё несколько возможных континуантов **žerC-* в более поздних памятниках).

39 Следует также отбросить возможность реконструкции **žerēti* (1sg. *žer'o*) «тлеть». Словенский материал Плетершника (*žereti*) географически нелокализован и вокализм первого слога в этом случае может быть вторичен. В словацком материале Добшинского (*žeriaci*, см. 4.2), мы, вероятно, имеем дело с перегласовкой после *ž*. Наконец, имеется также чеш. диал. *žřeti*, якобы из **žerēti* (Schuster-Šewc: 1806) и бачванское жірійачка. Однако все эти примеры не дают достаточного основания для реконструкции такого глагола.

40 Параллельный процесс осуществился в литовском, причём суффикс *-tuk-* является продуктивным: *piešiti* «рисовать» – *pieštukas* «карандаш», *klāusti* «спрашивать» – *klaustukas* «вопросительный знак». Отрембский, сопоставляя лит. *vytūkas* «моталка» и ст.-сл. съвитѣкъ «свиток», постулирует, что мы имеем дело с балто-славянским словом и формант *-t-uk-as/-t-ьк-ъ* мог появиться путём вставки *-t-* для устранения зияния (Otrębski 2: 282–283). На наш взгляд, оснований для такого утверждения нет: литовское и славянское слово не вполне соответствуют друг другу как семантически, так и формально, оба образованы по сравнительно продуктивной модели, то есть могут быть независимыми параллельными образованиями, наконец, известно, что *-t-* могло быть вставкой, позволяющей избежать зияния, однако это практически исключительно звукоподражания (**xoxotati*, **gogotati* и др.).

1963: 69–74). Неотглагольными дериватами с формантом *-tьkь являются по Эккерту ц.-сл. *полоуѣтъкь* «половина», ст.-сл. *лихотькь* «избыток, изобилие», сюда же он относит собственно *жератькь* (Эккерт 1963: 69) и *сланоуѣтъкь* (Эккерт 1963: 73); мы полагаем, что из этих слов лишь *жератькь* может быть восстановлен для праславянского⁴¹. Древнейшие производные на *-tь(-)kь образованы от приставочных тематических глаголов (тип *избытъкь*, ср. Vaillant 4: 301–302), для большей части которых – в связи с подвижным ударением – характерны причастия на *-t- < *-to- (хотя встречаются и древние дублеты на *-nьkь, ср. Vaillant 4: 302). В то же время, хорошо известно, что формант *-ьkь служил для субстантивации и других именных частей речи, например, *bělь «белый» > *bělьkь «белок» (ср. SP 1: 93).

Ввиду вышеизложенного, в дальнейшем мы исходим из членения *žerat-ьk-ь. По нашему мнению, оснований для отглагольной интерпретации происхождения морфемного комплекса *žerat- нет: во-первых, – как уже было сказано – обнаружить глагольный алломорф *žer- в обсуждаемом этимологическом гнезде невозможно, во-вторых, глагольная основа **žer-a- была бы совершенно изолирована с точки зрения структуры,⁴² а причастие от такой основы должно было бы иметь суффикс *-n-, а не *-t-.

То, что алломорф *žer- – помимо интересующего нас слова – ограничивается гнездом прилагательного *žer(′)awь(jь), имеет большое значение в контексте случаев «синонимичности» суффиксов *-at- и *-aw- в сфере десубстантивной деривации. Наиболее показательны примеры *gьrbatь(jь)/*gьrbawь(jь) «горбатый» (ЭССЯ 7: 198–199) и *bordatь(jь)/†bordawь(jь). Последнее прилагательное можно восстановить на основании дериватов *bordawica и *bordawьka (ЭССЯ 2: 198–200); эти два слова являются важной параллелью для *žeratykь: в обоих случаях создаётся впечатление, что в данном гнезде должны были сосуществовать прилагательные на *-at- и *-aw-, но в каждом случае реально засвидетельствовано только по одному

41 Заметим, что *лихотькь* является гапаксом и переводит в Супрасльской рукописи ѹтер-воуѣ, при этом “лихъ” как наречие соответствует ѹтер (SJS 2: 125). Нельзя не согласиться с ESJS, что оно может построено по аналогии с *избытъкь* (ESJS 7: 422). Слово *сланоуѣтъкь* «нут» также встречается в Супрасльской рукописи, а позже также в форме *сланоуѣтъкь* в Лобковском паримейнике (SJS 4: 108). Эккерт предлагает и другую версию для неотглагольных дериватов: он выдвигает предположение, что *лихотькь* можно вывести из *lixota, расширенного посредством *-ьkь, соответственно, *полоуѣтъкь* сопоставляется со слвн. *roluta* (Эккерт 1963: 73). Сложность со словом *лихотькь* «избыток, изобилие» заключается в том, что семантика *lixota противоречит возможности такой деривации (ЭССЯ 15: 95–97). При этом *žeratykь в такую модель не слишком хорошо укладывается в силу вокализма второго слога. Чтобы обойти эту проблему, Эккерт постулирует влияние *žerawь (Эккерт 1963: 74). Так же, как и в предыдущем случае, эта версия натывается на поздний, постпраславянский характер таких производных.

42 Не считая вторичного *žel-a-ti, помимо *žel-ě-ti. Если корень на сонорный расширял основу инфинитива суффиксом *-a-, обычно мы находим в этом корне нулевую ступень (*bьrati, *gьnati, *stьlati и т.д.).

прилагательному: **žer(ʹ)awъ(jb)* и **bordatъ(jb)*. Так или иначе, мы склонны реконструировать незасвидетельствованное прилагательное †*žeratъ(jb)* «имеющий жар, жаркий» (как **bordatъ* «имеющий бороду»).⁴³ Не вполне ясно, можно ли как аргумент в пользу этой гипотезы трактовать вариативность [r]/[rʹ] засвидетельствованных континуантов **žeratъkъ* (см. пункт 1.2; ср. **okatъ(jb)/*očatъ(jb)*, **uxatъ(jb)/*ušatъ(jb)*).

Последним этапом является идентификация первоначального мотивирующего слова. По всей видимости, речь идёт о незасвидетельствованном слове, реконструкция которого должна предполагать наименьшее количество допущений. Интуитивно ощущаемая связь прилагательного †*žeratъ* с существительным **žarъ* требует реконструкции корневой основы: акростатической «нартеновского» типа (**g^{uh}er-* в слабых падежах, **g^{uh}ēr-* – в сильных) или амфикинетической (**g^{uh}er-* в сильных падежах, кроме nom.sg., а также в loc.sg., **g^{uh}ēr-* в nom.sg. по закону Семереньи). Хотя предположение о подобном происхождении псл. **žarъ* уже было сделано Ф. Кортландтом («consonant stem», Kortlandt 1975: 72), мы считаем, что реконструкция корневой основы исключительно на основании косвенных славянских данных слишком проблематична.

Мы полагаем, что перспективнее было бы искать среди слов, засвидетельствованных в других индоевропейских языках. Хорошим кандидатом является существительное на **-es-*, реконструируемое на основе др.-инд. *háras-* «жар(?)», гр. θέρος «лето; урожай, жатва» а также, возможно, арм. *jer* «тепло» и алб. (старогегское) *zjarrë* «огонь» (NIL: 196): **g^{uh}ér-os-* «жара, жар» > псл. †*žero* «жар». Добавим, что в этот морфологический тип в праславянском также входили конкретизированные абстрактные существительные, производные от глагольных корней, например. **čelo* (gen. sg. *čelese*) «лоб» (внутренняя форма: «нечто поднятое, выдвинутое»; от корня **kelH-* «возвышаться, торчать», LIV²: 349).⁴⁴ Нельзя быть уверен-

43 Мы полагаем, что нельзя рассматривать в качестве свидетельств рус. формы *жаратникъ* (1686 г.; СРЯ XI–XVII 5: 7), диал. *жера́тник*, *жера́тникъ*, *жера́тница*, *жера́тничек*, *жара́та*, *жаратушка* (АОС 13: 211; СРКГ 2: 35; СРНГ 9: 75) и с.-х. *žeratica* (гапакс, 1616 г., RHiSJ 23: 337), так как данные слова, скорее всего, являются обратными дериватами от **žeratъkъ*, поскольку суффикс *-ъk-* в данном слове мог быть переосмыслен как диминутивный.

44 Препятствием для реконструкции основы на **-es-* иногда считается необычная отнесённость этого слова к акцентной парадигме *b*. Однако – если обратиться к другим, более распространённым морфологическим типам – малое количество слов в а.п. *b* по сравнению с а.п. *a* и *c* не является чем-то исключительным (ср., например, тип на **-i-*); впрочем, а.п. *a* среди существительных на **-es-* встречается не чаще: единственный надёжный пример – это **čido*. В пользу абстрактного существительного на **-es-*, однако, говорит ступень аблаута корня. Мы считаем необубедительными дополнительные доводы ЭССЯ (ЭССЯ 4: 46) против такой реконструкции. Во-первых, в словарной статье пропущена полабская форма дв.ч. *čilěsai* (ср. SP 2: 127–128). Во-вторых, строение дериватов – вопреки интерпретации ЭССЯ – не только не противоречит первичности типа на **-es-*, но даже поддерживает её: псл. **čel'ustъ* «челюсть, пасть» < **kelH-* «возвышаться, торчать» + **-i-* +

ным в том, что следующие прилагательные можно считать параллельными †žeratyǫь(jь) дериватами от основы на *-es-: *čelatъ(jь), *okatъ(jь)/*očatъ(jь), *ixatъ(jь)/*ušatъ(jь). Во-первых, вызывает беспокойство необходимость снова обращаться к прилагательным, производным от существительных определённой семантической сферы, названий частей тела (ср. выше комментарии о параллельности *-at- и *-aw-). Во-вторых парадигма слов *oko и *ixо носила смешанный характер, поэтому существует возможность, что эти прилагательные не воспринимались как дериваты от основ на *-es-. В-третьих, задокументированные рефлексы названных прилагательных могут быть более поздними дериватами от основ, уже утративших связь с типом на *-es-. Все эти факторы, однако, не исключают возможности такой деривации уже на праславянском уровне.

В конечном итоге мы полагаем, что для этимологизирования псл. *žeratyǫь «жар, горячие угли» следует реконструировать существительное †žero (gen.sg. žerese) «жар» и производное от него прилагательное †žeratyǫь(jь) «имеющий жар, жаркий».45 Псл. *žeratyǫь мы, тем самым, считаем результатом субстантивации указанного прилагательного при помощи суффикса *-ькь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев 1999** = Анатолий Алексеевич Алексеев, *Текстология славянской Библии*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999.
- АОС** = *Архангельский областной словарь* 13, Москва: Наука, 2010.
- БЕР** = *Български етимологичен речник* 1, София: Издателство на Българската Академия за науките, 1971.
- Варбот 2011** = Жанна Жановна Варбот, *Праслав. *žertī, *žьrǫ «приносить в жертву», Исследования по русской и славянской этимологии*, Санкт-Петербург: Нестор-История, 295–297.
- Верхратський 1894** = Иван Григорович Верхратський, *Говор замішанців, Записки Наукового товариства ім. Шевченка* 3, Львів, 1894, 153–210.
- ВМЧ** = *Великие Минеи Четвы, собранные всероссийским митрополитом Макарием* 1–14, Санкт-Петербург – Москва, 1868–1917.
- Востоков 1858** = Александр Христофорович Востоков, *Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики*, Санкт-Петербург, 1858.
- ВП** = *Вукова преписка* 1, Београд, 1907.

► *h₃oust- «рот» (= «выдвинутый, поднятый рот») представляет архаичный тип сложения по «системе Каланда» с интерфиксом *-i-, который коррелировал с определёнными именными суффиксами, присоединявшимися к первой части сложения; *-es- как раз является одним из таких суффиксов (Rau 2009: 67; этот пример, наряду с *drьkolь «дубина», свидетельствует о том, что в праславянском такие сложения носили эндоцентрический характер (т. е. значение словосложения является суммой значений производящих основ).

45 Стоит отметить, что апеллатив (!) *žarь фиксируется в отдельных славянских языках поразительно поздно, хотя проекция этого слова на прауровень не подлежит сомнению. Тем меньше должен удивлять факт, что реликтовое слово †žero до нас не дошло ни в каком виде.

- Гнатюк 1908** = Владимир Михайлович Гнатюк, *Весіле в Керестурі (бачбодрогської столиці, в полудневій Угорщині), Матеріали до українсько-руської етнології* 10, Львів, 1908, 30–81.
- Дзензелівський – Ганудель – Головацький 1982** = Йосип Олексійович Дзензелівський – Зузана Ганудель – Яків Федорович Головацький, *Словник української мови*, Пряшів, 1982.
- Грінченко** = Борис Грінченко, *Словарь української мови* 1, Київ, 1907.
- ГСБМ** = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* 9, Мінск: Навука і тэхніка, 1989.
- Дерягин 1968** = Виктор Яковлевич Дерягин, *Из истории лексических изоглоссов в говорах Архангельской области, Этимология* 1966, Москва, 1968, 167–188
- Дроздов 1901** = Николай Михайлович Дроздов, *О происхождении Книги Товита*, Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1901.
- ЕСУМ** = *Етимологічний словник української мови*, Київ: Наукова думка, 1985.
- Ивић 1957** = Павле Ивић, *О говору галиполских Срба*, Београд: Научна књига, 1957.
- ІСУЯ** = *Історичний словник українського язика* 1, з. 2, Харків – Київ: Українська радянська енциклопедія, 1932.
- Куликовский 1898** = Герман Илларионович Куликовский, *Словарь областного олопецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении*, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1898.
- ЛАБНГ** = *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак* 4, Мінск: Мінская друкарская фабрыка, 1997.
- МСММГ 1974** = *Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак*, Мінск: Выдавецтва БДУ, 1974.
- Мызников 2010** = Сергей Алексеевич Мызников, *Русские говоры Беломорья*, Санкт-Петербург: Наука, 2010.
- НОС** = *Новгородский областной словарь*, Санкт-Петербург: Наука, 2010.
- ОСР** = *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, Отдел второй, Писания Святых Отцев* 2, Москва: В Синодальной типографии, 1859.
- ОЋР 1986** = Љубица Ђорђевић – Мирослава Гроздановић-Пајић – Луција Цернић, *Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије* 1, Београд, 1986.
- Патера – Срезневский 1878** = Адольф Патера Патера – Измаил Иванович Срезневский, *Чешские глоссы в Mater verborum*, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1878.
- Петров 1932** = Алексей Леонидович Петров, *Духовно-полемические сочинения Иерея Михаила Оросвиговскаго Андреллы против католическа и унии: тексты*, Praha, 1932.
- Попова 2011** = Татьяна Попова, *Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности*, Saarbrücken: LAP, 2011.
- РКБ XVII** = *Речник на книжовния български език на народна основа от XVII век (върху текст от Тихонравовия дамаскин)*, София, 2012.
- СДЯ XI–XIV** = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* 3, Москва: Русский язык, 1990.
- СПЗБ** = *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе наранічча* 2, Мінск: Навука і тэхніка, 1980.
- СРГК** = *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* 2, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995.
- СРГС** = *Словарь русских говоров Сибири*, т. 1, ч. 2, Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1999.
- Срезневский** = Измаил Иванович Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка* 1, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893.
- СРНГ** = *Словарь русских народных говоров* 9, Ленинград.: Наука, 1972.
- СРПДС** = *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житейная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль I: текст и комментарии*, Москва, 2010.
- СРЯ XI–XVII** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 5, Москва: Наука, 1978.
- СУМ XVI–XVII** = *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.* 9, Львів, 2002.

- Сцяшковіч 1983** = Тащяна Філіпаўна Сцяшковіч, *Слоўнік Гродзенскай вобласці*, Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
- Филиповић 1946** = Миленко Филиповић, *Галипольски Срби*, Београд, 1946.
- Черниш 2013** = Тетяна Олександрівна Черниш, Л. А. Булаховський і проблеми історико-етимологічного дослідження української мови (до походження укр. жевріти), *Мова і культура* 3, вип. 16, Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2013, 134–138.
- Эккерт 1963** = Райнер Эккерт, Основы на -й- в праславянском языке, *Ученые записки института славяноведения* 27, Москва: Издательство АН СССР, 1963, 3–133.
- ЭСБМ** = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* 3, 9, Мінск: Беларуская навука, 1985, 2004.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков* 2, 4, 7, 15, Москва: Наука, 1975, 1977, 1980, 1988.
- Яворницький** = Дмитро Іванович Яворницький, *Словник української мови* 1, Катеринослав: Слово, 1920.
- ЯОС** = *Ярославский областной словарь* 4, Ярославль: Издательство ЯГПИ, 1985.
- Яцимирский 1909** = Александр Иванович Яцимирский, К истории апокрифов и легенд в южно-славянской словесности (Продолжение), *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук* 14, Санкт-Петербург, 1909.
- Beekes 2010** = Robert S. P. Beekes – Lucien van Beek, *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden – Boston: Brill, 2010.
- Budziak 2014** = Anna Budziak, *Rękopiśmienna spuścizna słownikarska Iwana Wahylewycza*, Kraków, 2014.
- Černá 2003** = Alena M. Černá, *Možnosti a meze využití kontextu při sémantické analýze staročeských lexikálních jednotek*, *Naše řeč* 86 (2003), č. 3, 133–138.
- Dobšinský 1880** = Pavol Dobšinský, *Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské*, Turč. sv. Martin, 1880.
- ESJS** = *Etymologický slovník jazyka staroslovenského* 11, Praha: Academia, 2002.
- EWU** = *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993–1994.
- Flajšhans 1928** = Václav Flajšhans, *Klaret a jeho družina II: texty glossované*, Praha, 1928.
- GK** = *Die grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij (Белукие Муней Четьи). Uspenskij spisok (Успенский список)*, Bd. 3. 26. – 31. März, Freiburg i. Br.: Weiher, 2001.
- Hildebrandt – Gloning 2010** = Reiner Hildebrandt – Thomas Gloning, *Hildegard von Bingen: Physica. Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum. Textkritische Ausgabe I: Text mit Berliner Fragment im Anhang*, Berlin – New York, 2010.
- Kálal 1923** = Karel Kálal – Miroslav Kálal, *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí*, Banská Bystrica, 1923.
- Kortlandt 1975** = Frederik H. H. Kortlandt, *Slavonic Accentuation*, Lisse: The Peter de Ridder Press, 1975.
- Lampe 1961** = Geoffrey W. H. Lampe, *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 1961.
- Lemay 1992** = Helen R. Lemay, *Women's Secrets: A Translation of Pseudo-Albertus Magnus' De Secretis Mulierum with Commentaries*, Albany, NY: State University of New York Press, 1992.
- Liddell – Scott** = Henry Liddell – Robert Scott, *A Greek-English Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Linde¹** = Samuel Bogumił Linde, *Słownik języka polskiego* 1, 3, Warszawa, 1807, 1812.
- Linde²** = Samuel Bogumił Linde, *Słownik języka polskiego* 5, 6, Lwów, 1859, 1860.
- LIV²** = *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*, unter Leitung von Helmut Rix bearbeitet von Martin J. Kümmel u. a., Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Lubicz 1892** = Rafał Lubicz, *Przyczynki do nowego słownika języka polskiego, Prace filologiczne* 4 (1892), 173–279.
- Martirosyan 2010** = Hrach K. Martirosyan, *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden – Boston: Brill, 2010.

- Miklosich 1850** = Franz Miklosich, *Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti*, Vindobona: apud Gulielmum Braumüller c. r. bibliopolam aulicum, 1850.
- Miklosich 1862–1865** = Franz Miklosich, *Lexicon paleoslavico-graeco-latinum*, Vindobona: Guilelmus Braumueller, 1862–1865.
- MNA** = *A Magyar nyelvjárás atlasza II*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- NIL** = Dagmar S. Wodtke – Britta Irlinger – Carolin Schneider, *Nomina im Indogermanischen Lexikon*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
- Orlovský 1982** = Jozef Orlovský, *Gemerský nářečový slovník*, Martin: Osveta, 1982.
- Otrebski** = Jan Otrebski, *Gramatyka języka litewskiego 2*, Warszawa: PWN, 1965.
- Rau 2009** = Jeremy Rau, *Indo-European Nominal Morphology: The Decads and the Caland System*, Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 2009.
- Reiff** = Charles Ph. Reiff, *Dictionnaire russe-français, dans lequel les mots russes sont classés par familles, ou dictionnaire étymologique de la langue russe 1*, Санкт-Петербург, 1835.
- RHiSJ** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 23*, Zagreb: JAZU, 1975–1976.
- Schuster-Šewc** = H. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und nieder-sorbischen Sprache 23*, Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1989.
- SEK** = Wiesław Boryś – Hanna Popowska-Taborska, *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny 4*, Warszawa, 2002.
- SJP** = Jan Karłowicz – Adam Kryński – Władysław Niedźwiedzki, *Słownik języka polskiego 8*, Warszawa, 1927.
- SJS** = *Slovník jazyka staroslověnského*, Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958–1983.
- SP** = *Slovník prasłowiański 1–2*, Wrocław i in., 1974, 1976.
- SP XVI** = *Slovník polszczyzny XVI wieku 36*, Warszawa: IBL PAN, 2012.
- SSJ** = *Slovník slovenského jazyka 5*, Bratislava: Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied, 1965.
- Šimek 1911** = František Šimek, *Cestopis t. zv. Mandevilla*, Praha, 1911.
- Šumavský 1859** = Josef Franta Šumavský, *Словарь языка словенского шести главных наречий: русского, болгарского, церковного, югославянского, чешского и польского 1*, Praha: Carl Bellmann's Verlag, 1859.
- Tiktin** = Heimann Tiktin, *Rumänisch-deutsches Wörterbuch 2*, Wiesbaden: Harrassowitz, 32003.
- ÚMT** = *Új magyar tájszótár 5*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 2010.
- Vaillant** = André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves 4*, Lyon: Editions IAC, 1974.

POVZETEK

Praslovansko *žeratykь: beseda kot vrh ledene gore

Pomen praslovanske besede *žeratykь se zanesljivo vzpostavlja kot 'žareče oglje'. Prav ta pomen ima večina kontinuantov *žeratykь v posameznih slovanskih jezikih. Natančna analiza je pokazala, da csl. жератѣкъ kljub mnenju vrste leksikografov ni pomenilo '(mrzli) pepel' in da zelo verjetno to velja tudi za ruska narečja (s tem da je to vprašanje treba dodatno preveriti).

Staročeški kontinuantni za *žeratykь so imeli, kakor vse kaže, samo dva pomena: 'žareče oglje; kresnička' spet v nasprotju s predhodnimi leksikografskimi opisi.

V zvezi z analizirano besedo se ugotavlja cela vrsta fantomov. Mednje spada slš. žer-*rat*, belorus. žaržaratak, polj. żarzątek in ukr. žerij. Nerazumevanje je povzročilo spremembo pomena besede žaratok v slovaški poeziji.

Etimološka analiza leksema *žeratykь zadeva ob vrsto težav. Avtorja članka vidita v njem rajiš izpeljanko s pripono -yk- k neohranjenemu pridevniku †*žeraty(jb) 'žareč'. Slednji pa se lahko šteje za izpeljavo iz starega *-es- debla †žero (rod. ed. žerese) 'žar'.